

С. И. Ермоленко, Т. Ю. Тарасенко
Екатеринбург, Россия

ЕЩЕ РАЗ О «ПРОПУЩЕННОЙ» ГЛАВЕ «БЕСОВ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена творческой истории создания «Бесов» Ф. М. Достоевского, связанной с замыслом главы «У Тихона», не вошедшей в окончательный текст романа. Рассматривается история вопроса, выявляются сложности его изучения, связанные с наличием двух редакций главы. Утверждается важность главы в раскрытии образа Николая Ставрогина и идейно-философского смысла романа.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бесы», история создания, «пропущенная» глава «У Тихона», Ставрогин.

S. I. Ermolenko, T. Yu. Tarasenko
Ekaterinburg, Russia

ONCE AGAIN ABOUT THE «OMITTED» CHAPTER «THE POSSESSED» F. M. DOSTOEVSKY

Abstract. The article is devoted to the creative history of creation “The Possessed” by Dostoevsky associated with a plan of the chapter “At Tikhon’s” that wasn’t included in the final text of the novel. In the article is discussed the history of the issue, discovered the complication of its study associated with the presence of two editions of the chapter. There is affirmed the importance of the chapter in revealing of Nikolay Stavrogin’s image and ideological and philosophical meaning of the novel.

Keywords: F. Dostoevsky, “The Possessed”, the history of creation, the “omitted” chapter “At Tikhon’s”, Stavrogin.

Истории изучения комплекса литературоведческих вопросов, связанных с решением проблемы «пропущенной» главы «У Тихона» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», уже более ста лет, если вести отсчет от упоминания о ней в работе «Л. Толстой и Достоевский» (1901–1902) Д. С. Мережковского: «Существует в рукописи не напечатанная глава из „Бесов“, исповедь Ставрогина... Это одно из могущественных созданий Достоевского... тут что-то, действительно, есть, что переступает „за черту“ искусства: это *слишком живо*» (Курсив автора. — С. Е., Т. Т.) [Мережковский 1995: 63]. Публикация главы под названием «Исповедь Ставрогина» в 1922 году (в 1905 году А. Г. Достоевская публикует отрывок из главы) вызвала целый поток исследований, не иссякающий и по сей день. Однако, несмотря на столь солидный срок и кажущееся обилие материала, целостных и глубоких работ, рассматривающих «пропущенную» главу с полным осознанием ее значимости в осмыслении идейно-философского содержания романа, не так уж много, и относятся эти труды в основном к первой трети XX века [см.: Бахтин, Бем, Гроссман, Долинин, Комарович и др.]. Исследования более позднего времени преимущественно ограничиваются или принятием / непринятием сформулированных ранее точек зрения, или простым упоминанием проблемы без каких бы то ни было попыток ее специального рассмотрения.

Как известно, глава «У Тихона» была изъята из печати в журнале «Русский вестник» в уже готовой корректуре в связи с «нецеломудренностью» (по М. Н. Каткову) содержания, поскольку центральная ее часть — «Исповедь» Ставрогина — содержала сцену растления девочки. Несмотря на то, что

Ф. М. Достоевский предпринимает отчаянные попытки спасти главу, переделывая ее (в февралемарте 1872 года), адаптированный вариант также был отвергнут редакцией, и в журнальном издании роман вышел без главы. В канонический текст (каковым считается прижизненное книжное издание 1873 года, которое набиралось почти параллельно с журнальным) глава также не вошла, навсегда оставшись в истории литературы «ненапечатанной», «пропущенной» «девятой» главой, что формально дает повод видеть в ее исключении выражение авторской воли писателя. Однако уместно в это связи вспомнить предостережение Д. С. Лихачева: «...совершенно ясно, что без полного изучения истории текста, истории замысла произведения и истории „воли автора“, а также без художественной оценки всех вариантов и редакций текста применять принцип „последней авторской воли“ нельзя». Поэтому следует говорить «не о „последней авторской воле“, а о „последней творческой авторской воле“» (Курсив наш. — С. Е., Т. Т.) [Лихачев 1964: 69]. Вопрос, следовательно, состоит в том, является ли исключение главы из романа выражением «последней творческой воли» автора.

Решение этого вопроса упирается в другую до сих пор актуальную проблему соответствия / несоответствия «пропущенной» главы каноническому тексту «Бесов». Обнаружившиеся на раннем этапе освоения «Бесов» (20-е годы XX века) подходы, предполагающие либо понимание чуждости главы каноническому тексту (и — соответственно — рассмотрение ее лишь в качестве факта творческой истории романа — вариант рукописи, не более) [Бем 2001; Комарович 1996], либо, напротив, органичности главы основному корпусу романа (а значит не-

обходимость ее учитывания при анализе произведения) [Бахтин 1979; Долинин 1996], с разной степенью аргументированности того или иного выбора поддерживались позднейшими исследователями.

В 90-е годы возникает отчетливо выраженное стремление перевести проблему «пропущенной» главы из плана литературоведческой компетенции в план читательского восприятия. Аргументации в пользу той или иной точки зрения, как отметил С.В. Жожикашвили [см.: Жожикашвили 1997: 134], начинают приобретать оттенок публицистичности, заметной, например, в следующем итоговом суждении Ю. Ф. Карякина: «А она прекрасна, эта глава. И „Бесы“ без нее — это же все равно что „Братья Карамазовы“ без „Великого инквизитора“, „Гамлет“ без монолога „Быть или не быть...“, это все равно что Шестая симфония Чайковского без финальной части или римский собор святого Петра без своего центрального купола» [Карякин 1989: 332].

Сказанное выше, по нашему мнению, оказывается выражением, с одной стороны, объективной сложности проблемы, вызванной невозможностью примирения принципиально противоположных точек зрения, а с другой — настоятельной необходимости решения данной проблемы, важной не только в научном аспекте, но и в издательской практике. О последнем, в частности, свидетельствует крайняя разногласия редакторско-издательских подходов, когда «Бесы» печатаются, то, чаще всего, без главы «У Тихона» (даже без каких бы то ни было упоминаний о главе, как будто бы ее вовсе не существует), то с главой (в составе канонического текста — неудавшийся эксперимент 1935 года Л. П. Гроссмана, то в качестве приложения).

Кроме того, необходимо иметь в виду, что существует два варианта «пропущенной» главы: это, напомним, Гранки и Список, как их обозначают исследователи, или, по другой терминологии, московская и петербургская редакции соответственно¹. Различие вариантов связано с попыткой Достоевского сделать главу приемлемой для печати: наибольшей правке была подвергнута вторая часть главы — «Исповедь» Ставрогина, а самое значимое различие заключается в том, что сцена насилия над девочкой, описанная в Гранках, в Списке была заменена эпизодом с выброшенным листом. Это различие актуализирует проблему преступления Ставрогина, ставя новые вопросы: действительно ли в биографии героя имело место надругательство над

Матрешей, и им ли обусловлен трагический исход его судьбы.

Наличие разных вариантов главы (Гранок и Списка), конечно, осложняет решение проблемы. Однако идейно-философское «наполнение» обоих вариантов единодушно признается исследователями равноценным, что частично снимает один из самых веских аргументов противников учета главы при изучении романа — отсутствие ее окончательного текста.

Очевидно, что от решения вопроса учета / неучета главы «У Тихона» при осмыслении романа напрямую зависит трактовка образа Николая Всеволодовича Ставрогина. Как показывают исследования, посвященные истории создания «Бесов», образ Князя — Ставрогина в процессе работы Достоевского над романом постепенно выдвигался на первый план («Выходит так, что главный герой романа Князь»; «ИТАК, ВЕСЬ ПАФОС РОМАНА В КНЯЗЕ, он герой. Все остальное движется около него, как калейдоскоп. <...> Безмерной высоты» (выделено Достоевским. — С. Е., Т. Т.) [Достоевский 1974б: 136]). По мере формирования образа Князя — Ставрогина эпизодов, ведущих к главе, как свидетельствуют черновики «Бесов», опубликованные в академическом полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского, становится все больше (возникают еще пока неясный образ архиерея, мотив оскорбленной девочки, настойчивые упоминания исповеди героя). При этом в ходе работы над образом Князя происходило его усложнение: он начинал вбирать в себя черты двух социально-психологических типов, уже получивших художественное воплощение в русской литературе предшествующих десятилетий. По мнению Г. К. Щенникова, в образе Николая Ставрогина Достоевский представил новую модификацию типа «лишнего человека» 40-х годов, осложненного психологическим комплексом «кающегося дворянина» 70-х, для того чтобы дать «обобщенный образ „русского барича“, аристократа с серьезными духовными запросами, но оторванного от народа и оттого испорченного» [Щенников 1987: 269].

С выдвижением на первый план образа Ставрогина как центрального персонажа «Бесов» происходит постепенное перерастание политического памфлета («вещи тенденциозной», по первоначальному замыслу Достоевского) в философско-идеологический и одновременно психологический роман-исследование, роман-трагедию. Памфлетная линия (связанная с изображением «наших» во главе с Петрушей Верховенским), сразу определившись в февральских записях 1870 года к «Бесам», оставалась неизменной на протяжении всей истории создания романа, правда, менялось ее место и значение в художественной структуре произведения. В зоне дальнейшего творческого поиска, о чем неопровержимо свидетельствуют черновики Достоевского,

¹ Первый вариант — это гранки декабрьской книжки «Русского вестника» 1871 года, соответствующие той рукописи, которая первоначально была послана автором в Москву в редакцию журнала. Гранки содержат многочисленные разновременные правки, отражающие процесс творческой переработки текста. Второй источник (Список) — копия, сделанная А. Г. Достоевской с неизвестного источника и не доведенная до конца.

лежала разработка именно философского, бытийного плана романа.

В процессе написания главы происходило постепенное смещение центра художественного мира романа: внимание Достоевского с внешних событий политической жизни («нечаевское дело»), послуживших толчком к созданию романа (спор писателя, обеспокоенного судьбой России, «сбившейся» с пути, с крайностями современного ему революционного движения), переносилось на внутренний мир современной личности, раздираемой противоречиями, мучающейся в поисках жизненных ориентиров. Чутко улавливая духовные запросы времени, Ф. М. Достоевский не мог удовлетвориться изображением лишь одной социальной действительности: писатель стремился проникнуть в глубинные истоки русской жизни, понять ее скрытые закономерности, потаенные пласты сознания личности. В главе «У Тихона» как раз и предпринята эта беспрецедентная по силе и смелости художественного изображения, беспрецедентная даже для самого Достоевского, попытка проникновения в «незавершимые глубины человека» (М. М. Бахтин) и жизни (в данном контексте становятся понятны слова Мережковского: здесь художник как бы «переступает „за черту“ искусства: это *слишком живо*»).

Анализ многочисленных интерпретаций «Бесов», накопленных за долгую историю их изучения, позволяет утверждать: различие между ними принципиальным образом зависит от того, принимается ли во внимание глава «У Тихона», которой не суждено было при жизни писателя войти в роман, или нет.

В результате игнорирования главы при рассмотрении «Бесов» возникают существенные смысловые пробелы, затрудняющие понимание образа Ставрогина, его идеологической и духовной эволюции. Так, между первым появлением Ставрогина в губернском городе и началом хроники прошло «три года с лишком» [Достоевский 1974а: 45]. Из канонического текста романа мы узнаем об этом времени только то, что герой путешествовал. Учитывая напряженность и насыщенность внутренней жизни героев Достоевского, данные сведения представляются явно недостаточными, и глава, таким образом, становится единственным звеном, способным восполнить «выпавший» из романа трехлетний перерыв.

Сторонник учета главы при рассмотрении романа К. В. Мочульский считает, что именно в ней со всей очевидностью обозначаются «странные противоречия» натуры Ставрогина, ее «роковая раздвоенность»: «Сверхчеловеческая сила — и бессилие, жажда веры — и безверие, поиски бремени — и полное духовное омертвение» [Мочульский 1947: 448]. На этой «загадочной раздвоенности» главного героя и строится действие романа. «Пропущенная»

глава, таким образом, ценна тем, что в ней не только полнее раскрывается образ героя-протагониста, но и выходит «на поверхность» движущий действие главный конфликт романа.

В понимании того, что считать главным конфликтом романа, среди исследователей нет единодушия. Так, Г. К. Щенников, называя в одной из своих статей «Исповедь» Ставрогина — центральную часть главы — «одним из высочайших созданий Ф. М. Достоевского» [Щенников 2000: 154], в другой работе, тем не менее, игнорирует ее при определении характера романного конфликта. Отмечая «максимальную скрытость» конфликта в «Бесах», исследователь полагает, что его следует определять как конфликт Ставрогина с «новой», «народной» Россией, от лица которой выступают в романе Шатов, Кириллов, Марья Лебядкина. Причем «история» с Хромоножкой, которая, по утверждению Г. К. Щенникова, представляет собой «традиционную тургеневскую линию испытания “лишнего человека” любовью незаурядной барышни», является «главной проверкой» способности Ставрогина к возрождению. Именно в диалогах главного героя с представителями «новой России», которые правильнее было бы назвать «допросами», осуществляется, по мнению исследователя, «общественный суд над Ставрогиным, как несостоявшимся героем русской жизни» [Щенников 1987: 273–274, 276].

Мы же согласны с теми исследователями, которые видят развертывание основного конфликта «Бесов» не в общественно-политическом плане (хотя он, изначально, несомненно важен в романе), а в этико-философском и психологическом. «Бесы» — роман о борьбе Бога и дьявола в человеческих сердцах. Этот извечный конфликт веры и безверия становится чрезвычайно актуальным для духовной жизни русского общества пореформенной эпохи — «самой смутной, самой неудобной, самой переходной, самой роковой», по определению Достоевского, «минуты» из всей истории России. В этот конфликт вовлечены все герои романа, но именно в Ставрогине внутренняя борьба получает свое наивысшее по силе выражение («Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует»), его отпадение от веры — самое страшное по своим последствиям. Поэтому именно он, образ «силы непомерной», — главный «бес» в романе, но и «лицо трагическое», как писал Достоевский. Его мучительная раздвоенность с особой остротой выражается в диалоге со старцем Тихоном, которому не суждено было (по воле Каткова) войти в роман: «С Тихоном говорят как бы два человека, перебойно слившиеся в одного. Тихону противостоят два голоса, во внутреннюю борьбу которых он вовлекается как участник» [Бахтин 1979: 307]. Идейное столкновение старца Тихона и Ставрогина в «пропущенной» главе должно было стать, по за-

мыслу писателя, кульминационным моментом в развитии действия, проливающим свет на истинный конфликт романа: «Борьба веры с неверием, нарастающая на протяжении всего романа, достигает здесь своего предельного напряжения». «Для этого мгновения», по мнению К. В. Мочульского, и был написан роман [Мочульский 1947: 449].

История рождения главы, ее идейно-философское содержание, воплощенное с потрясающей творческой силой, убеждают в том, что учет «пропущенной» главы при рассмотрении романа «Бесы» не только не противоречит «творческой авторской воле», но, напротив, совершенно соответствует ей.

Мы склонны полагать, что без главы «У Тихона» не могут быть поняты ни образ центрального персонажа, главного «беса» — Ставрогина с его настойчивым желанием «понести крест» (неслучайная фамилия героя — от греч. *stauros* — «крест») и трагической невозможностью покаяния, ибо «он ищет креста, не веруя в него» (К. В. Мочульский), что отчетливо демонстрирует его «Исповедь». А значит и сам роман во всей сложности его этико-философского содержания, его предупреждающий и одновременно пророческий пафос также не могут быть поняты без главы «У Тихона».

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. — 416 с.

Бем А. Л. Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди Ставрогина») // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 111 — 157.

Гроссман Л. П. Стилистика Ставрогина. К изучению новой главы «Бесов» // Гроссман Л. П. По-

этика Достоевского. М.: Гос. акад. худож. наук, 1925. С. 144–163.

Долинин А. С. «Исповедь Ставрогина» (В связи с композицией «Бесов») // Достоевский Ф. М. «Бесы». «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 534–559.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Т. 10. — 1974а. — 519 с.

Т. 11. — 1974б. — 416 с.

Жожикашвили С. В. Заметки о современном достоевковедении // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 126–161.

Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. — 656 с.

Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.: Наука, 1964. — 102 с.

Комарович В. Л. Неизданная глава романа «Бесы» // Достоевский Ф. М. «Бесы». «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 567–573.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. — 623 с.

Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-Press, 1947. — 564 с.

Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. — 352 с.

Щенников Г. К. «Журнал Печорина» и «Исповедь» Ставрогина: анализ деструкции личности // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 3. Филология. 2000. № 17. С. 154–162.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Светлана Ивановна Ермоленко — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: cafruszarlit@yandex.ru

Татьяна Юрьевна Тарасенко — магистрант Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: tarasenko1198@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Ivanovna Yermolenko is a Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department at the Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Tatyana Yurievna Tarasenko is a Magister of Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).